

Сегодня—172-я лицейская годовщина

«ОТЕЧЕСТВО НАМ ЦАРСКОЕ СЕЛО...»

ОДНАЖДЫ Майя Борисова написала:

...Есть ценности, которым нет цены:
Клочок бумаги
с пушкинским рисунком,
Учебник первый
в первой школьной сумке
И письма не вернувшихся с войны...

Невольно вспомнил эти строки, придя к поэтессе в канун славного дня Лицея...

— Майя Ивановна, а ведь на календаре день, ради которого мы встретились, особо не отмечен. День как день: октябрь, 19-е, среда... Но вот наступит 19-е, и нас снова неминуемо повлечет в маленький уютный городок, где — «сады Лицея», где «дортуйар» № 14, где все напоминает о Пушкине... Наверняка вам это чувство знакомо?

— Очень знакомо, и влечет меня, пожалуй, даже больше в парк, чем в само здание Лицея. Хотя, конечно, когда Лицей вновь после ремонта открылся, первая встреча с ним просто ошеломила, потому что ты попадаешь в обстановку, которая была удивительно подлинной. Но как раз из-за остроты впечатления мне вдруг стало ясно: будь здание Лицея расположено не в Царском Селе, не среди этих парков, будь оно вписано во флигель не Екатерининского дворца, а, допустим, Зимнего, то есть в какую-то городскую обстановку, — так вот, тогда наверняка потерялось бы три четверти того, чем являлся Лицей для его воспитанников, чем он является для всей русской культуры...

Помните: «В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал...». Не «в стенах», а именно — «в садах Лицея»... Когда Анна Ахматова представляет Пушкина, она говорит: «Смуглый отрок бродил по аллеям, у озерных грустил берегов...» — это опять парк... А теперь давайте вспомним, как Лицей распланирован, как, например, выглядят спальные воспитанников, которые они называли «кельями»: там ведь стены не доходят до потолка. Ночные беседы Пушкина и Пущина мог подслу-

шать, что в идеале человек должен быть благороден и возвышен...

— Не случайно именно здесь, именно в этом благословенном уголке, возникла «лицейская республика», «святое братство», которому Пушкин и его друзья оставались верны всю жизнь... Именно под этим небом родились блистательные традиции Лицея...

— Здесь как-то все сошлось: молодость самого Лицея и молодость его воспитанников, людей очень неординарных, их дружба, их традиции... Кстати, мне не кажется, что традиции Лицея были долговременными... Да, мы хорошо знаем мальчиков пушкинского выпуска — Пущина, Кюхельбекера, Корсакова, Вольховского, Яковлева, Дельвига, Малиновского, Горчакова, — всех знаем! Нам известно, какими они были там, «в садах Лицея», какими стали потом... Ну а кто знает, например, о лицейских годах мальчика Миши Салтыкова, который спустя некоторое время тоже учился в этом знаменитом заведении и позже обрел славу как писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин? А уж имена и судьбы его лицейских товарищей ведомы, наверное, лишь специалистам. Другое поколение — и традиций пушкинской поры в Лицее, увы, уже нет...

А вообще традиции учебного заведения — прекрасная вещь. И, мне думается, то, что мы

Какой же это блистательный дар: обращать на себя внимание, дружбу, любовь таких разных, таких интереснейших личностей!

Святой огонь «лицейского братства» был зажжен этими мальчиками друг для друга на всю жизнь. И в радости они были рядом, и в беде. Поэтому Пушкин, рискуя своим благополучием, пишет в Сибирь узнику Пущину: «Мой первый друг, мой друг бесценный!..». Поэтому спустя годы, узнав о гибели друга, Пущин восклицает: «Если б я был на месте Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь: я нашел бы средство сохранить поэта-товарища, достойные России...».

— Наверное, если человек посвятил себя литературному труду, то Пушкин в его жизни место занимает совсем особое... И тут очень интересно, как происходило самое первое постижение поэта... Припомните, пожалуйста, как Александр Сергеевич открывался вам...

— Эта счастливая встреча случилась у меня года в четыре. Конечно, началось все со сказок. Игра у меня была такая — «Сказки Пушкина»: картинки и к ним отдельно — тексты. Нужно отгадать: какие — к каким... Помните знаменитую гейтмановскую гравюру: мальчик подпер рукой кудрявую голову? Могу показать: из одной книжки я ее вырезала и приклеила на обложку тетрадки с первыми своими стихами... В отрочестве я в Пушкина была влюблена — по-настоящему, с дурацкими какими-то мечтами, с ревностью к тем девчонкам, которых (а не меня!) вызывали к доске читать его стихи... Тут, конечно, неизмерима заслуга Тынянова: «Кюхля», «Пушкин» — эти книги навсегда сделали Александра Сергеевича человеком лично близким, лично дорогим. А дальше — вся жизнь с Пушкиным... По какому-нибудь конкретному поводу раскроешь его томик и, прочитав то, что нужно, обязательно начинаешь листать другие страницы. В общем, если обращаешься к Пушкину, то это никогда не бывает касанием. Обязательно — погружение!

— Стало быть, вы вправе утверждать, что Пушкин влетает на вас — и как на поэта, и как на человека?

— Безусловно. Как только делаю нечто, идущее вразрез с устоявшимся мнением, так у меня сразу есть щит, есть громада, за которую укрываюсь и где нахожу подтверждение тому, что поступаю правильно. Например, когда мне хочется совершить шаг, которого от меня, в общем-то, никто не требует, но мне кажется: если его не совершу, буду чувствовать себя перед собой не очень честным человеком, — в таком случае я помню, что был на свете Пушкин, который никогда не поступался возможностью защитить свое мнение, своих друзей, свою честь... Ну а говорить о литературном влиянии, пожалуй, излишне, потому что Пушкин пронизывает всю нашу культурную жизнь...

Еще один момент. Я опасалась заниматься прикладным литературоведением, но у меня есть небольшая статья, которой очень горжусь. Она была напечатана в журнале «Пионер» и посвящена маленькому повороту в восприятии пушкинского «Памятника». Написала я ее, а уж потом прочитала несколько научных исследований на эту тему. И с радостью обнаружила, что крохотное открытие, которое, как мне кажется, я в своих заметках сделала, в других работах не присутствует. А это значит, что даже такое хрестоматийное стихотворение содержит в себе нечто, вдруг открывающее для тебя — неожиданно, и, самое главное, — не на уровне «буквоедства», а на уровне душевного потрясения... Этим Пушкин совершенно бесценен, к нему можно приходить и приходить, чтобы все время наталкиваться на что-то новое — умом, сердцем, душой...

— Я знаю, что вы принимали участие во многих пушкинских праздниках — и в Михайловском, и в Москве, и на Кавказе... А в Лицее? Там читать свои стихи доводилось?

— Однажды довелось. Но это было так трудно... Вспомнила, что в этих стенах смуглолицый отрок сложил строки: «Где наша роза, друзья мои? Увяла роза, дитя зари...». Причем сложил ЭТО по заданию учителя, на уроке, для школярской отметки... Вспомнила — и перехватило дыхание...

Беседу вел
Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото О. Миронца
и В. Мельникова

Истоки пушкинского гения — о них в беседе с корреспондентом «Смены» размышляет поэтесса Майя Борисова

шать каждый, для настоящей интимности условий не существовало. В библиотеке тоже не было уголка, куда можно забиться с книгой. Так же — и в актовом зале, и в классах... Вот и получается, что воспитание — духовное, душевное, эмоциональное шло именно в парке, где все ненавязчиво, где можно и разбегаться, и уединиться, и прикоснуться к истории Отечества...

— Как писал юный Пушкин: «В тени густой угрюмых сосен воздвигся памятник простой...». Он, известно, гордился этим Кагульским обелиском, и Чесменской колонной, тоже прославившей российское оружие, и другой колонной, Морейской, на которой значится: «...крепость Наваринская сдалась Бригадиру Ганнибалу...». А ведь бригадир Иван Абрамович Ганнибал — его двоюродный дед... А рядом — Большой пруд, где «с тополем сплелась младая ива и отразилась вся в кристале зыбких вод...» — здесь, на берегу, ему, наверное, славно мечталось... Рядом — ступени Камероновой галереи: «В безмолвии огромные чертоги, на своды опершись, несутся к облакам...». Согласитесь: в такой обстановке просто трудно не писать стихи...

— Там трудно не писать стихи. Там трудно не быть причастным к искусству. Там трудно быть низменным душой... Понимаете, для совершения подлости ведь тоже должны быть соответствующие условия... А когда все вокруг взывает к каким-то благородным чувствам, к возвышенным отношениям, к воспоминаниям о славных моментах русской истории, просто к мыслям о том, как прекрасна природа, то при всем этом трудно не вырасти человеком с чистыми помыслами и «души прекрасными порывами»... Если же ты не такой, то, во всяком случае, всю жизнь будешь

называем «лицейским братством», возгоралось время от времени и в иные времена, и в иных стенах. Бестужевские курсы, например... Мне в жизни несколько раз случилось встретиться с пожилыми женщинами какой-то особой интеллигентности, святого бескорыстия, подвижнического трудолюбия... О них говорили: «Ну как же — бестужевки!». Вот такая высокая корпоративность, подчеркиваю: не кастовость, а именно корпоративность, объединенность людей, которая базируется на каких-то значительных принципах, важна очень, особенно — для тех, кто молод. Я считаю, что просто повезло тому, чья личная, человеческая натура, в общем-то, склонная к слабостям и компромиссам, находит себе поддержку в высоком духе корпорации. Человек понимает: я не могу сподличать, не могу поступиться принципами, изменить дружбе, потому что «у нас так не принято». Не важно, где «у нас»: на филфаке Университета, в такой-то школе, в таком-то ПТУ...

— Да, корпорация лицезистов — явление удивительное, и именно Пушкину суждено было стать ее душой. Помните: «Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы, при мирных ли брегах родимого ручья, святому братству верен я!..». Этот человек и в дружбе был талантливым необычайно...

— Причем талант дружбы свойствен Пушкину не только в умении проявлять подобное чувство самому, но и в боготворении счастливой способности быть этой дружбы средоточием... Задумаемся: кто был близок к юному лицеисту? В самом деле: трудно утверждать, что Пушкин дружил с Карамзиным. Ведь с одной стороны — мальчик, с другой — человек в расцвете своей социальной, литературной, возрастной завершенности. Между тем Карамзин с Пушкиным дружил. И Чаадаев, и Малиновский-старший, и Энгельгард...